

Е.И. Литневская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

**СТИЛЕВАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ТЕКСТА КАК НОРМА,
КОММУНИКАТИВНАЯ НЕУДАЧА, ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ПРИМЕТА
ИДИОСТИЛЯ**

Ключевые слова: стилистически маркированные и нейтральные языковые средства, фактор адресата, стилистическая ошибка, стилистическая игра, идиостиль

В статье автор обращается к проблеме стилевой неоднородности текста и ее возможным коммуникативным эффектам. Особое внимание уделяется соотношению стилистически маркированных и нейтральных языковых средств и влиянию на выбор стиля такого параметра речи, как фактор адресата.

E. I. Litnevskaya

M.V. Lomonosov Moscow State University

**STYLISTIC HETEROGENEITY OF A TEXT AS A NORM,
COMMUNICATIVE FAILURE, WORD PLAY AND A FEATURE OF
IDIOSTYLE**

Keywords: stylistically marked and neutral linguistic units, the factor of an addressee, stylistic error, style play, idiostyle

In the paper the author addresses the problem of stylistic heterogeneity uniformity of the text and its possible communicative consequences. Particular attention is paid to the correlation of stylistically marked and neutral linguistic units and to the effect produced on the choice of the style by such a speech parameter as the factor of addressee.

Все исследователи-лингвисты сходятся во мнении, что стилевая неоднородность текста скорее норма, чем исключение (хотя, безусловно, возможны и стилистически однородные тексты). Так, Л.В. Щерба отмечает, что «большинство эффектов литературной речи основано на тонкой игре стилями» (Щерба, 1957: 138).

М.В. Панов пишет, что «не может существовать естественного текста, устного или письменного, состоящего только из слов высокого или слов разговорного стиля, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля. Впрочем, такие тексты гораздо более редки, чем это обычно предполагается.

Следовательно, как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей. Наиболее обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их огромное большинство) со словами одного из окрашенных стилей. <...> В пределах одного текста могут сочетаться и несколько окрашенных стилей. Но взаимоотношения становятся в этом случае иными. Если слова нейтрального стиля и каждого из окрашенных стилей сливаются друг с другом, то слова разных окрашенных стилей в пределах одного текста резко контрастируют» (Панов, 2004: 108-109). Как несложно заметить, М.В. Панов в этом отрывке говорит только о стилистически маркированной лексике, но сказанное применимо и к другим стилистически маркированным средствам языка, в том числе не только дотекстовым (языковым), но и текстовым (речевым).

Данное утверждение представляется верным только отчасти. Действительно, включение нейтрального стиля повествования в тексты других функциональных стилей нормально и неизбежно, поскольку нейтрал представляет собой основу любого стиля и тем самым выступает как немаркированный инвариант. Однако в коммуникативных ситуациях, предполагающих использование нейтрала как самостоятельного функционального образования, включение в стилистически нейтральный стиль иностилевых средств воспринимается как нежелательное и неуместное вплоть до осознания адресатом такого включения как отклонения от стилистических норм языка и даже как коммуникативной неудачи (примеры такого рода будут приведены ниже).

Выбор адресантом того или иного функционального стиля определяется не только (а по нашему мнению, и не столько) содержанием высказывания. Так, Е.А. Земская в главе «Литературный разговорный язык» монографии «Язык как деятельность» (Земская, 2004) постулирует необходимость изучения РЯ «на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами» (Земская, 2004: 292). Таким образом, выбор любого функционального стиля определяется не только темой и намерением адресанта, но и подготовленностью адресата к восприятию информации и к поддержанию диалога именно в рамках определенного канона данного стиля.

В какой коммуникативной ситуации адресант избирает нейтральный стиль? В первую очередь это зависит от оценки им коммуникативного статуса адресата. Чем более многочисленными, разнородными и не в равной степени включенными в обсуждаемые проблемы являются адресаты, тем больше вероятность употребления нейтрального стиля при передаче определенного содержания.

Значимость учета характера адресата при выборе коммуникативных средств подчеркивал Ю.М. Лотман в статье «Текст и структура аудитории»: «Таким образом, между текстом и аудиторией складывается отношение, которое характеризуется не пассивным восприятием, а имеет природу диалога. Диалогическая речь отличается не только общностью кода двух соположенных высказываний, но и наличием определенной общей памяти у адресанта и адресата. <...> С этой точки зрения можно выделить два типа речевой деятельности. Одна обращена к абстрактному адресату, объем памяти которого реконструируется передающим сообщением как свойственный любому носителю данного языка. Другая обращена к конкретному собеседнику, которого говорящий видит, с которым пишущий лично знаком и объем индивидуальной памяти которого адресанту прекрасно известен» (Лотман, 2010: 333).

В качестве примера можно привести передаваемый по телеканалу «Культура» цикл передач «Академия», где крупнейшие современные ученые читают лекции на научные темы не вполне определенной целевой аудитории. С одной стороны, аудиторию в студии составляет молодежь, но, с другой стороны, передачи транслируются по телевидению, а значит, их зрителем может стать человек любого возраста и социального и профессионального статуса. Такой коммуникативный формат обуславливает использование именно нейтрального стиля речи с минимальным (один-два) включением специальных терминов, которые при этом обязательно разъясняются. Так, например, 6 октября 2010 года транслировалась лекция А.К. Жолковского, посвященная инвариантам в текстах художественной литературы. В процессе чтения лекции был введен и подробно и доходчиво истолкован единственный неспециализированный термин – «инвариант».

Само существование текстов нейтрального стиля для передачи, например, научной информации не является, безусловно,

доказательством существования нейтрала как особого функционального стиля, поскольку вполне может быть объяснено периферийным положением данных текстов в поле научного функционального стиля, каковое положение, собственно говоря, и предполагает использование нейтрала. Однако в русской коммуникации существуют целые тематические циклы и речевые жанры, единственной стилистической реализацией которых является нейтрал.

Так, широкой неспециальной аудитории предназначены новостные передачи, «передовицы» которых также оформлены в нейтральном стиле. Нейтралом реализуются и разнообразные публичные выступления и отчеты перед неспециализированной широкой аудиторией.

Нейтральный стиль является естественной реализацией и большинства отрывков художественной литературы. Так, авторское повествование в литературе для детей создается исключительно в нейтральном стиле в силу, с одной стороны, преимущественно обиходной тематики произведений, а с другой – сознательной установки на нормированный нейтральный стиль как более высокую по сравнению с разговорной речью ступень владения коммуникативными нормами.

Нейтральный стиль может быть абсолютной стилевой доминантой индивидуального стиля определенных писателей. Так, М.В. Панов отмечает, что преимущественно нейтральным стилем оформлена речь автора в прозаических произведениях М. Пришвина, А. Толстого, Ю. Олеши, В. Катаева, А. Фадеева, К. Паустовского, К. Федина (Панов, 2007: 45). Более того, нейтрал стал не только доминантным, но и практически единственным стилем авторского повествования в современной массовой художественной литературе для взрослых.

Нейтральный стиль должен быть избран и при общении с конкретным персонифицированным адресатом на самые общие, в том числе бытовые темы, если адресант не находится с адресатом в неофициальных отношениях или же если общение с адресатом – близким человеком происходит в официальной ситуации.

Следовательно, нейтральный стиль, с одной стороны, выступает как связующее звено всех функциональных стилей (инвариант), но, с другой стороны, представляет собой самостоятельное функциональное образование, обслуживающее

некоторые коммуникативные зоны, в которых использование иных стилей невозможно или неуместно (в первую очередь в силу традиции, разнородности и неспециализированности адресата, а также официальности ситуации).

Таким образом, стилевая однородность текста и его соответствие коммуникативной ситуации представляются необходимыми требованиями к продуцированию текста любого содержания. Тем не менее координация стилевых норм в тексте часто нарушается.

Любое нарушение норм бывает двух типов: непреднамеренное и преднамеренное. При непреднамеренном нарушении норм возникает коммуникативная неудача. При преднамеренном нарушении норм (с расчетом на то, что адресат поймет эту преднамеренность) принято говорить о языковой игре. Языковая игра, возведенная в речевой принцип, формирует идиостиль – индивидуальный стиль говорящего.

Первый тип стилевого конфликта в тексте можно обозначить как причину коммуникативной неудачи.

Е.А. Земская и О.П. Ермакова в работе «К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)» (1993) определяют коммуникативную неудачу как «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществленное или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» (Земская, 2004: 602). Авторы выделяют следующие причины (и, соответственно, типы) появления коммуникативных неудач: 1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими функциями. Выделенных авторами типы коммуникативных неудач не имеют непосредственного отношения к стилистике речи, однако авторы отмечают, что «можно было бы в качестве особой причины, порождающей КН, выделить те явления, которые лежат в основе так называемых «метакоммуникативных реакций» адресата на слова говорящего: непонимание и неудовольствие адресата вызывает форма речи» (там же: 605-606).

Нас будет интересовать именно последний тип коммуникативных неудач – неудачи стилевого плана.

Так, например, прецедентным как для русской, так и для иностранной аудитории стало употребленное в 1999 году В.В.

Путиным, на тот момент премьер-министром РФ, выражение «мочить в сортире». На пресс-конференции с Астане в своих комментариях событиям 23 сентября 1999 года (бомбардировки российской авиацией Грозного) В.В. Путин без тени улыбки и с большой эмоциональностью заявил: «Российские самолеты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились... Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы в сортире их замочим, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно». Из контекста понятно, что комментарий «вы уж меня извините» относится не к форме речи, а к ее содержанию. Что же касается использования грубо-разговорного выражения «в сортире замочим», то оно прозвучало в контексте пресс-конференции совершенно неуместно, мгновенно разошлось на цитаты и стало поводом для бурных комментариев общественности. Почему это произошло? Как уже было сказано выше, есть коммуникативные ситуации, которые позволяют использовать только нейтрального стиля речи, и публичное выступление политика перед широкой аудиторией на общеполитические темы – одна из них.

К слову сказать, нынешний президент РФ Д.А. Медведев гораздо более аккуратен в употреблении разговорных включений в свою речь. Так, например, на конференции в Сколково 12 октября 2010 года он задал аудитории вопрос «Что будем делать-то?», сопроводив его улыбкой, и это вызвало вполне позитивный смех в зале, вызванный не содержанием вопроса, а его формой.

Единичные разговорные включения смотрятся зачастую инородными и в научной речи, обращенной к нецелевой аудитории и предполагающей использование нейтрального стиля речи. Так, А.К. Жолковский в телевизионном проекте «Академия» (канал «Культура», эфир 06 октября 2010 года), говоря об инвариантах, проявляющих себя в художественных текстах, в качестве примера привел жанр басни, показывая, что само использование этого жанра обуславливает не только определенную систему персонажей, но и определенные сюжет и мораль. Мораль эту он сформулировал как «сиди и не рыпайся», причем повторил эту формулу дважды. Такое контрастное иностилевое включение очень резало слух.

Как несложно заметить, все приведенные выше примеры – из области включения иностилевой лексики. И это неудивительно, поскольку именно лексика обладает наибольшей степенью стилистической кодифицированности и осознанности с точки зрения ее стилового статуса. Однако иностилевые включения возможны и на уровне грамматики, но их инородность воспринимается значительно менее резко. Возможны они и на более высоком, текстовом уровне. Так, одна студентка, благополучно окончившая филологический факультет МГУ и успешно защитившая несколько лет назад дипломную работу, первую свою курсовую работу начала следующими словами: «Целью данной работы является написание курсовой работы». И эта ошибка не является логической: любая деятельность своим целеполаганием может иметь не только результат, но и процесс: мы можем хотеть прочитать книгу или просто что-нибудь почитать; научная работа может иметь своей целью не только создание научного текста, но и процесс его создания (например, чтобы отвлечься от других мыслей) и т.д.

Второй тип стилевой неоднородности текста – стилевая языковая игра.

М.В. Панов пишет: «Может быть, включать инородное – свойство только художественных текстов? Нет. Это свойство вообще литературной речи (хотя в художественных произведениях проявляется ярче). <...> Каждый вспомнит, что и в бытовой речи мы часто «играем» такими отступлениями» (Панов, 2004: 100). Авторы же коллективной монографии «Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности» (1991) справедливо отмечают, что «стилистическая маркированность выступает как фактор, ограничивающий свободу выражения эмоционально-оценочного отношения. В то же время в тексте в условиях игры стилистического регистра («переброса» маркированного слова из присущего ему стилистического окружения в чуждое) является мощным и мало чем ограниченным способом создания экспрессивности» (Человеческий фактор в языке..., 1991: 129).

Г.В. Векшин в статье «Язык общения и функциональные стили (в их отношении к тексту)» (Векшин, 2002) достаточно категорично утверждает: «И если “стиль – это человек”, то в чистом виде функциональные стили – это ограниченный человек, когда у него ничего не остается, кроме заученных сценариев и

социокультурной инерции. Способность выходить за рамки ФС – признак гибкости, творческого отношения к языку и полноценной коммуникативной компетенции» (Векшин, 2002: 63).

В.З. Санников в своей монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» (Санников, 1999) определяет языковую игру следующим образом: «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это “нарочно так сказано”, иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность» (Санников, 2002: 23). Языковая игра как намеренное отступление от языковой нормы может быть реализована на любом языковом уровне – от фонетики до прагматики и стилистики. Анализу стилевой языковой игры посвящен целый раздел монографии В.З. Санникова. Так, автор отмечает следующие приемы стилистической языковой игры:

~ обыгрывание несоответствия между формой и содержанием: «низкое» содержание» и «высокий» стиль или «высокое» содержание и разговорная или даже просторечная манера повествования;

~ избыточная эвфемизация речи;

~ обыгрывание стилевых штампов;

~ лексическая стилистическая ошибка (чаще всего используемая в художественном тексте с целью дискредитации персонажа);

~ макароническая речь – неумеренное смешение родного и иностранного языка;

~ битекстуальность – соединение и столкновение в пределах одного высказывания разностилевых фрагментов текста;

~ намеренно неточная или неуместная цитация (Санников, 2002: 459-479).

В качестве своего примера приведем отрывок из романа Дарьи Донцовой «Эта горькая сладкая месть»:

«— Признаёте, что данный гражданин пришел к вам вчера около двадцати двух часов с целью проведения времени, а потом покинул принадлежащую вам квартиру посредством спуска в мусоропровод? — сурово спросил участковый.

Я вздрогнула. Нет, все-таки они ужасно разговаривают. Неужели нельзя по-человечески?

— Ой, конечно, признаю. Думала, убился насмерть.»

Как фрагмент художественного произведения этот пример являет собою стилевую языковую игру, однако надо заметить, что подобное речевое поведение, встретясь оно нам в действительности, было бы квалифицировано нами как стилистическая речевая ошибка.

Стилевая языковая игра (преднамеренное нарушение стилистических норм), возведенная в речевой принцип, формирует идиостиль – индивидуальный стиль говорящего.

Приведем несколько примеров из текстов на научные темы.

Наиболее ожидаемым в научной литературе является использование научного стиля речи с употреблением соответствующей терминологии и жанровых канонов, причем «языковое воплощение динамики мышления осуществляется в суждениях и умозаклучениях, следующих одно за одним в логической последовательности. <...> Самыми специфическими чертами научного стиля, вытекающими из абстрактности (понятийности) и строго логичности мышления, являются отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность изложения. <...> Весьма типичными для научной речи являются смысловая точность, объективность изложения, его некатегоричность» (Кожина, Дускаева, Салимовский, 2010: 289-291).

Легко можно найти научные тексты, строго отвечающие этим стилевым чертам, например: «Правило 3 (факультативная окраска презумпций). Если составляющая с потенциальной презумпцией Р является синтаксическим актантом миропорождающего предиката, то имеется две возможности: а) Р является презумпцией в соответствующем мире и может быть переведена в презумпцию реального мира (или, по крайней мере, в суждение, истинное в реальном мире) при соответствующем изменении содержания — модальной «окраске» (термин «окраска» — из Schiebe 1979); б) Р остается презумпцией в реальном мире. Различие пониманий а) и б) не имеет регулярного семантического выражения» (Падучева, 2001: 77).

Как мы видим, в этом небольшом фрагменте концентрация типичных для научного повествования признаков чрезвычайно высока:

необщеупотребительные лингвистические термины
презумпция, актант, предикат, модальный, семантический;
буквенный символ Р (презумпция) в качестве компонента
текста;

слова с абстрактным значением составляющая,
возможность, суждение, изменение, понимание, выражение;

отсутствие слов в переносном значении: слово окраска
употреблено как термин, заключено в кавычки и снабжено
соответствующей ссылкой;

слова, указывающие на объективные критерии оценки
ситуации: потенциальный, соответствующий, истинный,
регулярный;

отсутствие обращений, междометий, модальных частиц,
вопросительных и восклицательных предложений и других средств
образности;

сложное предложение с условным подчинительным
союзом если... то, указывающее на причинно-следственные
отношения;

придание тексту большей четкости с помощью
расчленения на пункты: а) и б);

ссылка на другое произведение научной литературы,
полное описание которого представлено в библиографии: Schiebe,
1979.

Тем не менее в великом множестве можно найти и тексты на
научные темы, написанные с большими отклонениями от стилевой
нормы, причем среди них встречаются тексты, написанные
преимущественно нейтралом, а также тексты, содержащие
значительные включения разговорной речи, публицистического и
даже художественного стиля.

Приведем несколько примеров.

Всем хорошо известен стиль работ М.В. Панова. Все его
исследования – и научные, и научно-популярные – написаны с
точки зрения формы предельно ненаукообразно при абсолютно
очевидной высокой научности их содержания, и этот «конфликт»
содержания и выражения создает особый, неповторимый идиостиль
его научного наследия. Приведем два фрагмента из работ М.В.
Панова, предназначенных для разной целевой аудитории.

Пример 1 – фрагмент из научно-популярного издания – энциклопедии для детей «Языкознание. Русский язык» (Панов, 1999), где М.В. Панов написал раздел «Как устроен язык»:

«У языка два назначения, две работы. Служить общению людей. И быть средством мысли.

Если соберутся несколько человек и начнут общаться, то между ними сразу появится «невидимка» – язык. Он объединяет людей, дарит им возможность взаимопонимания. Представьте, что люди лишились языка. Не могут говорить, понимать речь, читать, писать. Они немедленно опустились бы на уровень коров, кошек и зайцев. Человеческое общество прекратилось бы, началось стадо. Человеку необходимо общение с другими людьми.

Когда говорят об этой важной функции языка – быть средством общения, на первый план выдвигается обозначающее, т.е. то, что мы непосредственно воспринимаем. Оно делает речевое намерение явным, доступным для других» (Энциклопедия для детей..., 1999: 22).

Пример 2 – фрагмент из монографии М.В. Панова «Позиционная морфология» (Панов, 1999):

«...Глаголы не только не обижены аффиксами, но охотно их употребляют в больших количествах. Стремления к безаффиксию нет.

Страдательные причастия прошедшего времени имеют право образоваться (или, по-новому, образовываться) от глаголов переходных, совершенного и несовершенного вида. Однако у многих бесприставочных глаголов такие причастия отсутствуют. Причину можно понять. Именно такие глаголы с трудом удерживают свою глагольность. Даже и с приставками они часто не вызывают глагольных представлений. Дом построен из кирпичей. Кипения стройки не вижу. Вижу кирпичный дом. Долина перерезана оврагами. Представляем ли действие? Видим ли, как овраги совершают резание, резку, разрезывание долины?

Нет, действия не видно. Видна долина с оврагами» (Панов, 1999: 267).

Разговорность формы приведенных выше отрывков не требует комментариев.

Научное содержание речи может передаваться и средствами публицистического стиля. В качестве примера приведем фрагмент из статьи В.П. Григорьева «Кое-что о стилевой политике»:

«Разнообразие идиостилей участников «круглого стола» по проблемам «языковой политики», который состоялся в 2002 г. в Санкт-Петербургском университете под руководством Л.А. Вербицкой, спасовало перед соединенными силами-лицами-стилями власти и общества настолько единодушно, что могло бы вызвать в воображении некий образ «добровольно-вынужденной круговой поруки! ученых-заложников, осмотрительно помалкивающих, стараясь не раздражать своим словом-сопротивлением поведенческий беспредел стилевых захватчиков» (Григорьев, 2007: 140). И далее: «Работа (Гаспаров, 2004), и в стороне от размышлений и некоторых фантазий о «четырёх-пятимерном пространстве времени-языка», непосредственно касается нашего общего дела – установок на поиски связей – сходств и различий – между литературой и филологией, лингвистикой и философией» (там же, с. 144).

Как мы видим, беспристрастность и неоценочность, заявленная М.Н. Кожиной в качестве одного из стилеобразующих для научной речи признаков, здесь реализована, пожалуй, только среди служебных слов и собственных наименований.

Справедливости ради надо сказать, что такая высокая оценочность все же встречается в текстах на научные темы достаточно редко, но общая склонность к публицистичности на уровне формы выражения отнюдь не является уникальной. Так, всегда достаточно афористичен и публицистичен идиостиль работ А.А. Липгарта; приведем, например, фрагмент из его монографии «Основы лингвопоэтики» (Липгарт, 1999):

«Возьмем на себя смелость утверждать, что во многих случаях отказ от лингвостилистического анализа или проведение его в усеченном виде свидетельствуют лишь об отсутствии у филолога элементарной исследовательской аккуратности и ни в коей мере не уточняют интересующего нас соотношения лингвостилистики и лингвопоэтики. К такого рода исследованиям, безмерно упрощающим материал и искажающим его специфические черты, применим негативный отзыв Г.О. Винокура о склонности устанавливать произвольные связи между языковыми категориями и явлениями экстралингвистического мира (подобной склонностью страдают многие ученые)» (Липгарт, 1999: 57).

Можно привести в качестве примеров другие фрагменты и другие имена.

Как ни странно, но для передачи научного содержания может быть использован и художественный стиль. Так, А.И. Герцен следующим образом описывает эволюцию материи от неорганического мира до появления человека:

«Жизнь эта [минерального царства] только образовательная: произведя форму, она цепенеет, застывает, и эта форма, в которой проявилась жизнь минеральная, пребывает, доколе внешнее не изменит или не разложит ее. Через плесени, через *materia VII*sidis, переливается тайно-жизненная природа в растительную; здесь жизнь полная борется с минеральным оцепенением, растение приковано к материку, материк – часть его; оно увеличивается изнутри, его строение близко к минеральному; нет средоточия, нет единства, органы наружу, и полное развитие одних есть упадок других Хаотическая область животнорастений служит переходом или, лучше, вступлением в царство животножизненное. Здесь впервые является неделимое, неделимое целое, само в себе заключенное, сосредоточенное, отторженное от материка, меняющее свое место и, что всего важнее, умеющее чувствовать и действовать. Здесь, кажется, высшее развитие природы материальной... – материя возвысилась до чувствования!» Цитата взята из (Панов, 2004: 94).

Каков стилистический статус текстов, в которых проявляется «стилевой конфликт», т.е. которые не соответствуют жанровому канону при передаче определенного содержания? На этот вопрос можно дать два противоположных ответа.

Первый подход будет подходом «от содержания» (т.е. темы и намерения). Так, авторы «Научной литературы...» пишут: Всякое индивидуальное использование языка, складывающееся в своего рода систему, характерную для данного автора, формируется в рамках того или иного функционального стиля, в первую очередь стиля художественной литературы, а также научного и публицистического стиля, и не может не подчиняться требованиям и канонам данного стиля, допускающим индивидуальную манеру выражения в различных, но достаточно определенных пределах. Как бы значительно ни проявлялась языковая индивидуальность ученого (что, кстати, имеет место не очень часто), его научное сочинение всегда будет оставаться образцом научного стиля» (Научная литература..., 1985: 11). Аналогичной точки зрения

придерживается и А.А. Липгарт – см., напр., (Липгарт, 1996; Липгарт, 2004).

Однако исследователи высказывают и менее резкие суждения. Так, М.Н. Кожина утверждает, что каждый текст может быть охарактеризован как принадлежащий к определенному стилю, далеко не так категорично: «Вместе с тем следует помнить, что всякая частная ситуация как факт речи подлежит обобщению и в конечном счете обычно может быть отнесена к тому или иному функциональному стилю, когда осуществляется в его русле. (Помимо, конечно, случаев пересечения стилей и некоторых «пограничных», «синтетических» жанров)» (разрядка наша – Е.Л.) (Кожина, Дускаева, Салимовский, 2010: 155).

Наше мнение по этому вопросу заключается в том, что случаи «стилевого конфликта» как идиосиля конкретного автора не подлежат классификации в рамках традиционных стилевых и жанровых канонов.

Наиболее сложным и неоднородным со стилевой точки зрения является язык художественной литературы.

В.В. Виноградов в монографии «О языке художественной литературы» (Виноградов, 1959) пишет: «Задачи исследования стилистическо-речевой специфики художественной литературы оказываются тесно связанными с изучением общих закономерностей развития литературного языка и вместе с тем далеко выходящими за границы такого изучения. Исследование языка художественной литературы как словесного искусства неотделимо от исторического анализа форм и типов композиционной структуры литературных произведений, приемов речевого построения образов персонажей, господствующих в ту или иную эпоху принципов организации «образа автора». <...> Исследование языка художественной литературы соотносительно с литературным языком и его стилями в свете тех же категорий и понятий, которые лежат в основе системы литературного языка, тенденций и закономерностей его развития, не может дать исчерпывающего и ясного представления о специфических качествах языка художественной литературы и о внутренних законах его истории» (Виноградов, 1959: 111-113).

Исходя из своей любимой идеи универсального характера позиционности, М.В. Панов отмечает, что «позиция не только связана со знаками, она сама – знак. Она показывает, что в данном

месте текста отменяются одни определенные законы и вводятся другие <...> В художественной речи могут быть показатели, которые являются позиционно определяющими для других показателей. Они оправдывают отступления от закономерностей, нормативных для данного текста; они эти отступления превращают в особую норму, эстетически значимую» (Панов, 2004: 30-35) и что «верно, что язык художественной литературы – одна из ветвей литературного языка. но это совсем особая, необыкновенная ветвь <...> Одну из важных особенностей языка художественной литературы определяют так: в нем все значимо, все функционально нагружено <...> в нем все важно, все «играет», все работает <...> это очень специфическое преломление закономерностей литературного языка (и в известном смысле даже отклонение от них): превращение нефункционального в функциональное – всегда индивидуальная возможность, она реализуется (или не реализуется) каждым писателем в зависимости от замысла именно этого, данного произведения» (Панов, 2004: 97-98).

Кроме сочетания стилей литературного языка, в художественном произведении возможны и вкрапления внелитературных элементов. «У литературной речи [языка художественной литературы – Е.Л.] есть удивительная, нежданная черта: способность усыновлять нелитературные отрезки текста. В литературную речь могут быть включены слова и обороты, не узаконенные строгой нормой: диалектизмы, варваризмы, устаревшие слова, профессиональное, школьное, студенческое аргю. Конечно, дело авторского таланта – умело их включить. Но важно то, что литературная речь остается литературной, даже если этих включений много <...> Норма в литературном языке настолько прочна и строга, что позволяет делать отступления от своих требований (если отступления художественно оправданы)» (Панов, 2004: 99-100).

В задачи данной статьи ни в коей мере не входит рассмотрение вопроса, является ли язык художественной литературы отдельной функциональной разновидностью языка или это многостилевое единство (хотя мы склоняемся к последнему утверждению), но безусловным представляется следующее: в художественном произведении сочетание и чередование стилей (а также отсутствие их сочетания – стилистическая однородность)

всегда будут представлять идиостиль – индивидуальный авторский стиль повествования.

Литература

1. Векшин Г.В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной. – М.: МГПУ, 2002. – С. 35 - 67.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Изд-во художественной литературы, 1959. – 653 с.
3. Григорьев В.П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 138 - 150.
4. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
5. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 464 с.
6. Липгарт А.А. К методологическим основаниям функционально-стилистических исследований // Функциональная стилистика. Лингвопоэтика. Философия языка. Сборник научных статей. Вып.3. – М.: МАКС Пресс, 2004. С. 75 - 80.
7. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI-XX вв.) Диссертация ... доктора филологических наук. – М., 1996. – 656 с.
8. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. – М.: КомКнига, 1999. – 168с.
9. Лотман Ю.М. Чему учатся люди: Статьи и заметки – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И.Рудомино, 2010. – 416 с.
10. Научная литература: Язык, стиль, жанры / Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1985. – 336.
11. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: УРСС, 2004. – 288 с.
12. Панов М.В. О литературном языке // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 88 - 102.
13. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.43 - 62.
14. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
15. Панов М.В. Позиционные отношения в стилистике // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 30 - 35.
16. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

17. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

18. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

19. Энциклопедия для детей. Т.10. Языкознание. Русский язык. / Глав. ред. М.Д. Аксенова. – М.: Аванта+, 1999. – 704 с.

References

1. Vekshin G.V. The spoken languages and functional styles (in their relation to the text) [Yazyki obshcheniya i funktsionalnyye stili (v ikh otnoshenii k tekstu)] // Slovo i kontekst: Filologicheskiiy sbornik k 75-letiyu N.S. Valginoy. – М.: MGPU, 2002. – S. 35 - 67.

2. Vinogradov V.V. About the language of fiction [O yazyke khudozhestvennoy literatury]. – М.: Izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1959. – 653 s.

3. Grigoryev V.P. Something about the politics of style [Koye-chno o stilevoy politike] // Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysina / Otv. red. Ye.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk. – М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2007. – S. 138 - 150.

4. Zemskaya Ye.A. Language as an activity: Morpheme. Word. Speech [Yazyk kak deyatelnost: Morfema. Slovo. Rech]. – М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. – 688 s.

5. Kozhina M.N., Duskayeva L.R., Salimovskiy V.A. Stylistics of the Russian language [Stilistika russkogo yazyka]. – М.: Flinta: Nauka, 2010. – 464 s.

6. Lipgart A.A. To methodological reasons of functional stylistic research [K metodologicheskim osnovaniyam funktsionalno-stilisticheskikh issledovaniy] // Funktsionalnaya stilistika. Lingvopoetika. Filosofiya yazyka. Sbornik nauchnykh statey. Vyp.3. – М.: MAKS Press, 2004. S. 75 - 80.

7. Lipgart A.A. Linguistic study of poetic art text: Theory and Practice (based on English literature XVI-XX centuries) [Lingvopoeticheskoye issledovaniye khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika (na materiale angliyskoy literatury XVI-KhKh vv.)] Dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk. – М., 1996. – 656 s.

8. Lipgart A.A. Basics of linguistic poetics [Osnovy lingvopoetiki]. – М.: KomKniga, 1999. – 168s.

9. Lotman Yu.M. What people learn: Articles and Notes [Chemu uchatsya lyudi: Stati i zametki]. – М.: Tsentr knigi VGBIL im. M.I.Rudomino, 2010. – 416 s.

10. Scientific Literature: Language, style, genres [Nauchnaya literatura: Yazyk, stil, zhanry] / Otv. red. M.Ya. Tsvilling. – М.: Nauka, 1985. – 336.

11. Paducheva Ye.V. Statement and its relation to reality [Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu]. - М.: URSS, 2004. – 288 s.

12. Panov M.V. About the literary language [O literaturnom yazyke] // Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku. T.1. – М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. – S. 88 - 102.

13. Panov M.V. About the development of the Russian language in Soviet society (to the problem) [O razvitii russkogo yazyka v sovetskom obshchestve (K postanovke problemy)] // Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku. T.2. – M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2007. – S.43 - 62.
14. Panov M.V. Positional morphology of Russian language [Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka]. – M.: Nauka, Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1999. – 275 s.
15. Panov M.V. Positional relationship in stylistics [Pozitsionnyye otnosheniya v stilistike] // Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku. T.1. – M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. – S. 30 - 35.
16. Sannikov V.Z. Russian language in the mirror of the language game [Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry]. – M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. – 552 s.
17. Human factor in language: Language mechanisms of expressivity [Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti]. – M.: Nauka, 1991. – 214 s.
18. Shcherba L.V. Selected works on Russian language [Izbrannyye raboty po russkomu yazyku]. – M.: Uchpedgiz, 1957. – 188 s.
19. Encyclopedia for Children [Entsiklopediya dlya detey]. T.10. Yazykoznaniiye. Russkiy yazyk. / Glav. red. M.D. Aksenova. – M.: Avanta+, 1999. – 704 s.